

изображенное в иконе убийство Святополком третьего брата, Святослава, в «Сказании» отсутствует и отмечается лишь в ПВЛ.⁷⁴

Таким образом, во всех трех рассматриваемых иконах XVI в., сюжеты которых в целом согласуются с изложением «Сказания» (о чем свидетельствуют многие композиции и соответствующие им надписи), в то же время имеются эпизоды, восходящие к иным литературным источникам. Выяснению причин этого явления может помочь одна из особенностей иконы Гос. Третьяковской галереи «Владимир, Борис и Глеб в житии». Еще Н. П. Лихачев, издавая лицевой список «Сказания» конца XV в. из собственного собрания, отметил необычайное сходство между изображениями смерти Владимира и боя Ярослава со Святополком в миниатюрах рукописи и клеймах указанной иконы.⁷⁵ К этим наблюдениям можно добавить также сходство изображений убийства Бориса в колеснице и могилы Глеба. Остальные же клейма иконы близки к миниатюрам лишь стилистически. Композиционно они несходны, и в иконе имеются сюжеты, отсутствующие в миниатюрах (например, раздача Святополком даров «кыянам», некоторые чудеса), что исключает копирование всей серии. Некоторые из отмеченных, близких к иконе миниатюр расходятся с текстом «Сказания», который они иллюстрируют. Так, показывая «потаение» тела Владимира, художник не изображает Святополка, что, как мы видели, говорит о следовании летописной версии. В сцене убийства Бориса в колеснице иконописец, в соответствии с летописным рассказом, изобразил фигуру одного убийцы — варяга; миниатюрист же добавил фигуру второго убийцы — отрока, резко отличающегося от воина-варяга, как бы желая приблизить композицию к версии «Сказания». Не говорят ли эти особенности об использовании иконописцем, и миниатюристом не только текстов «Сказания», но, при создании некоторых композиций, каких-либо древних икон или миниатюр в качестве образцов? Быть может, именно через такие образцы могли проникнуть в эти произведения версии, не сохранившиеся в тексте «Сказания».

Нужно отметить, что как икона XIV в., так и памятники XVI в. содержат такие сцены, где художник, пользуясь скухими намеками текстов, превращает иллюстрации к ним в живые жанровые эпизоды, воплощая в них реальные жизненные наблюдения. Так, например, раздача Святополком даров «кыянам» в иконе XIV в. передана как раздача дорогих одежд. В иконе же начала XVI в. «Владимир, Борис и Глеб в житии» изображено, как Святополк, окруженный воинами, рассыпает перед алчными киевлянами золотые монеты. Надпись «Святополк съзва киян по смерти отца своего и насыпа перед ними множество злата» не зависит от известных нам литературных произведений и, видимо, изобретена художником.

* *

В XVII в. изображения «деяний» Бориса и Глеба приобретают новый характер. В шестнадцати сценах иконы Гос. Третьяковской галереи начала XVII в.⁷⁶ представлены события, начиная с отправления Бориса против печенегов и кончая погребением Глеба вместе с Борисом в Вышгороде, в церкви Василия. Важнейшей чертой иконы является ее точное следование «Сказанию». Подробные надписи являются почти прямыми цитатами.

⁷⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 94.

⁷⁵ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба... стр. 34—36.

⁷⁶ № 12867. Размер: 90,5 × 70,5 см. Происходит из бывшего собрания С. П. Рябушинского. Средняя часть иконы (фигуры Бориса и Глеба в рост) относится к XV в.